

Амо Сагиян
ПОЗДНИЕ ЯГОДЫ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»*





ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»





Амо Сагиян
ПОЗДНИЕ ЯГОДЫ

СТИХИ

Перевод с армянского
МИХАИЛА ДУДИНА

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1983

С (Арм)

С 12

Дополненное переиздание

*Рисунки и оформление
Ф. Васильевой*

© Перевод.
Ер., издательство «Советакан грох», 1981 г.

© Вступительная статья, состав, оформление.
Издательство «Детская литература», 1983 г.

4803010102—164
С—————371—83
М101(03)—83

ПОЭЗИЯ ОДАРЕЯЕТ НАС ЖИЗНЬЮ

Стихотворения, составившие этот сборник, написал на армянском языке Амо Сагиян, перевел на русский язык Михаил Дудин. Над книгой работали два современных поэта — армянский и русский. И так как я давний читатель Амо Сагияна и Михаила Дудина, дружу с ними не один год, то рад был случаем написать эти несколько страниц.

1

Слово об Амо Сагияне начну издалека. Далекое, оно ведь тоже близко. В V веке историк и писатель Мовсес Хоренаци записал древние песни древней языческой Армении. Одна из песен, известная под названием «Рождение Ваагна» («В муках Рождения пребывало Небо,/Пребывала Земля в муках Рождения...»), словно бы возвещает нам о рождении армянской поэзии, о ее начале.

Многовековая армянская поэзия прошла большой и сложный путь. Трудной была армянская история. Века и века народ боролся с завоевателями, отстаивая свободу и национальную самобытность. Даже в тяжелейшие времена, когда страна была вконец разграблена и разорена чужеземцами, культурная жизнь в Армении не прекращалась. Об этом образно говорил на встрече с Амо Сагияном армянский прозаик Серо Ханзадян. В горной Армении (передаю мысль Ханзадяна своими словами) часты землетрясения. Иногда в результате сдвигов земли пропадают в горах родники. Но это только так кажется, что родник пропал, исчез навсегда. Проходят годы, иногда десятилетия, и родник

пробивается теперь уже в другом месте, родник находит дорогу к людям. Так и в армянской поэзии. Казалось бы, войны, бедствия, геноцид убьют в нашем народе песню. Но родник поэзии никогда не пропадал. Армянская земля рождала новых поэтов. Лирика Амо Сагияна — один из вековых родников армянской поэзии, забивший на этот раз в горах Зангезура.

Зангезур — высокогорная область в Юго-Восточной Армении. Здесь, в селе Лор, родился Амо Сагиян.

Я от камней зачат в камнях, —
Мне в колыбели камни пели.

(Перевод А. Тарковского)

Зангезур своими горными вершинами, разбивая небесную «скорлупу», проникает в сферы заоблачные. Крестьяне села Лор живут на земле и на небесах. Собственно земли здесь мало — одни скалы, но зато неба бесконечно много и до звезд буквально рукой подать.

Амо Сагиян рассказывал, как в начале века односельчане собрали деньги на строительство школы. Когда деньги были собраны, оказалось, что негде ставить школу. Земли было так мало, что никто не хотел отдавать свой участок. Пришлось ставить школу на кладбище. Получилось почти по Пушкину:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть...

Амо Сагиян учился в этой школе. Мальчик из далекой горной деревни стал теперь знаменитым поэтом. Его поэзия — и это естественно — органически связана с Зангезуром, с его деревней Лор, с горной речкой Воротан. В названии реки слышится шум воды, ворочающей камни. Как сказал сам поэт:

Вода ли, сумасшествуя, взбесилась,
Иль небо, с миром потерявши связь,
На голову высоких гор свалилось
И ниже устремляется, катясь?..

(Перевод Б. Пастернака)

Было время, Сагияна упрекали, что он все пишет о своем Воротане и что поэтому узок мир его поэзии. «Есть поэты, — возражал Сагиян, — которые живут в гостиницах, живут неизменно в хороших номерах. Своего дома у них нет. То в одном городе проживут, то в другом. А есть поэты, у которых свой дом, может быть, невзрачный по сравнению с гостиницами, но свой. И ключ от этого дома в стихах поэта».

Сагиян постоянно возвращается к земле своего детства. Запгезур — неиссякаемый источник вдохновения поэта:

Там облака как купола,
Там скалы как колокола.

Там эхо чистых родников
Звучит как музыка веков.

(Перевод М. Дудина)

Поэзия, как дерево, растет в определенном месте. Привязанная к породившей ее земле, поэзия именно благодаря такой привязанности становится интересной людям других земель и стран. В литературе — и особенно в поэзии — одна небольшая географическая точка может вместить в себе весь мир, всю Вселенную и все бесконечное многообразие жизни.

...В горах Запгезура поздняя осень. Улетели перелетные птицы.

И в ушах своих унесли
Последние раскаты грома,
На крыльях унесли последнюю радугу,
В глазах унесли
Тоскливые образы опустевших гнезд,
В клювах унесли
Свои кочующие, таинственные для нас песни.

Остались деревья, они замерзшими пальцами считают свои ребра, а ветер

Потерял голову, задыхается
И несет на своих губах

Влажное шуршание опавших листьев,
И кто знает, куда несет...
Холодно... Мох погибнет в лесу.

Этот пейзаж Сагияна (перевод стихов здесь и всюду, где переводчик не указан, подстрочный) открывает перед нами целый мир. Это мир природы и мир души человека, чувствующего природу, как самого себя. Для меня весь этот пейзаж — человек. Жизнь, всю ее полноту ощущает тот из нас, кто понимает жизнь природы, кто вдруг, как о себе, может подумать о том, что в лесу гибнет мох.

В пейзажи Сагияна — ясные, чистые — можно всматриваться, как всматриваются в полотна художников:

Утро и солнце.
В травах,
По троне муравьиной,
На муравьиных спинах
Двигается труп пчелиный.
Раннее, раннее утро.

(Перевод А. Марченко)

Пейзаж для Сагияна никогда не был «видом какой-нибудь местности» (так определяется пейзаж в словарях). Не кусок природы, а кусок жизни, — вот что такое пейзаж, написанный рукой мастера — художника или поэта.

Характер поэзии Сагияна обусловлен природой. Он сам об этом писал:

Скворец сел на поле — в клюве росток,
На моих губах трепещет зеленая строчка,

Горлица взлетела с нивы — в клюве колос,
На моих губах трепещет красная строчка.

Ласточка пролетела — в клюве туча,
На моих губах трепещет желтая строчка.

Ворон каркнул в ущелье — в клюве снег,
В моем сердце трепещет белая дрожь.

Это стихотворение нельзя, конечно, свести к одной лишь мысли о связи лирики Сагияна с природой. В поэзии, если это настоящая поэзия, за общей идеей, которую можно сформулировать, всегда остается что-то очень значительное, плохо и вовсе не поддающееся выражению в статьях критических и литературоведческих.

Процитированное восьмистишие Сагияна — это, очевидно, еще и рассказ о жизни поэта. По краскам и метафоричности это — стихотворный автопортрет Сагияна, чем-то напоминающий известный автопортрет Мартироса Сарьяна «Три возраста». Сагиян сказал о себе юном, зрелом и убеленном сединой, сказал еще о многом другом: как сладостна, полна и прекрасна жизнь и как печально, что она проходит. И все-таки рассказ, адекватный содержанию стихотворения, невозможен. Изложение беднее.

Однажды, в ноябре 1975 года, мы пришли поздравить Сагияна с присуждением ему Государственной премии республики. Глядя, как один из друзей Сагияна ищет в однотомнике поэта свои любимые стихи, читает их нам и снова перечитывает, я подумал, что, должно быть, самая высокая оценка книге поэта, когда читатель, не зная, как объяснить друзьям стихотворение, как выразить свои чувства, задумывается и после некоторой паузы еще раз — увлеченно, с жаром — читает то, что его так поразило, надеясь, что его поймут, слушая стихи, а не комментарии к ним.

Поэзия одаряет нас жизнью. Лирика Амо Сагияна объемлет жизнь широко и глубоко. Жизнь пульсирует буквально в каждой его строке. «Мои стихи, — сказал однажды Сагиян, — это плата за то, что я существую, живу». И когда он просит поставить на свою могилу необработанный камень, чтобы на горячих ребрах камня ящерицы согревали себе бока, то и здесь, в этом стихотворении, он славит жизнь.

Жизнелюбивая поэзия всегда была поэзией сложной, лишенной бездумного оптимизма. Амо Сагиян просит нас переступить порог его дома:

Не спрашивайте, спим мы или бодрствуем,
Входите, вы же входите в дом.
Если даже спят наши надежды,
Заботы бодрствуют — входите.

В таком доме поймут человека, его боль, помогут ему.
Образ дома в лирике Сагияна постоянен. «Лист снова опустился на мою крышу!» — восклицает Сагиян, чтобы сказать, что жизнь в доме продолжается. Пустующий в деревне отцовский дом — трагедия для поэта: обрываются связи с миром его детства, с его родной деревней.

Горы не видно в туче.
Растаяла гора.
Томит и парит кручи
Полдневная жара.

Вода шуршит в соломе:
«Не торопись теперь.
В твоём отцовском доме
Давно забита дверь».

(Перевод М. Дудина)

Отцовский дом — внутренняя опора Сагияна, здесь истоки его мирозерцания, его морали. К отцовскому дому восходят стихи поэта:

Я должен верить мудрости зерна:
Его погибель кормит мир живущий.

(Перевод М. Дудина)

Дом как символ родины и рода характерен для армянского эпоса о сасунских богатырях, о доме Джоджанц, то есть доме старших, доме великанов. «Зов рода» — так назвал Сагиян свой недавний однотомник. Дом и для Сагияна — это родина и род, это его дед Хачипап — трудящийся человек. Всю жизнь работал, не жаловался дед, а когда однажды занемог,

Бросил плуг, покраснел от стыда,
Такого с ним не было никогда.
И выступил пот и остыл на лбу,
И лег Хачипап в свою борозду,
Семенем лег и смешался с землей —
С лесом, облаком и травой.

(Перевод А. Марченко)

Дом для Сагияна — это основа основ, это очаг, это предки, это традиции. «Я, внук Хачипапа, — говорил Сагиян, — хочу, чтобы мои дети и внуки уважали и ценили труд так, как уважал и ценил его дед Хачипап. Я пишу стихи, и образ Хачипапа всегда передо мной».

Образ деда — это образ рода, родового дома. И родной Зангезур, и весь этот свет («Говорю: «Армения» — и мир мне как дом») олицетворены для Сагияна в сложном, многозначном для него образе дома.

Сагиян всегда тяготел к конкретности образа. Образ вырос в символ, так как Сагиян умел обобщать. Он начал писать в середине 30-х годов, но как поэт сложился и возмужал в годы войны. Он служил вдали от своего Зангезура и написал одно из главных своих стихотворений — «Зеленый тополь Наири».

В теснинах сердца моего звонкоголосый говор твой,
О дальний, дальний, дальний мой, зеленый тополь Наири.

(Перевод М. Петровых)

Страна Наири, воспетая еще Вааном Терьяном, — это древнее название Армении. В стихотворении Сагияна сказалась преемственность и ярко выразилась его самобытность. Именно благодаря Сагияну образ тополя стал символом древней и новой Армении, возрожденной Армении. Стихотворение стало песней...

Амо Сагияну принадлежит образ горной книги с массивными каменными страницами. На страницах — четверостишия горных тропинок. Книга рассказывает молчаливый каменный эпос Армении древней и современной. И начинается книга «Рождением Ваагна»...

Есть в этой вековой книге армянской поэзии страницы, написанные Амо Сагияном.

2

Михаил Дудин давно уже дружит с Арменией и ее поэтами. И когда в феврале 1981 года Дудин еще раз приехал в Ереван, он уже был автором проникновенных стихотворных посвяще-

ний Армении, ее художникам и писателям, был автором прочувствованных статей об армянской поэзии (о Григоре Нарекаци, Аветике Исаакяне, Егише Чаренце...) и ему принадлежал любовно составленный сборник переводов из Аветика Исаакяна.

В Ереване Дудин встречался с друзьями, со студентами университета, побывал в музеях-мастерских Геворка Григорьяна, Арутюна Галенца, побывал у Исаакянов... Попросил меня достать стихи Амо Сагияна:

— Хочу почитать, может быть, переводу.

Когда Сагиян был прочитан и Дудин начал его переводить, я поинтересовался, не нужен ли договор.

— Буду переводить «для себя», — ответил Дудин. Он ведь и пишет «для себя». Отсюда непринужденность и естественность его слова. Дудин живет в атмосфере поэзии и музыки стиха. Он может часами читать друзьям стихи, главным образом стихи любимых поэтов — Ф. Тютчева, А. Блока, И. Бунина, Н. Тихонова... Книга статей Дудина о поэзии и поэтах «Поле притяжения» — свидетельство того, как много для него значит русская и мировая литература. Он буквально проповедует поэзию.

— Бунин — это чудо. Вы еще его откроете.

И когда поздно вечером мы прощались, Дудин сказал:

— Ты сейчас едешь домой. Я тебе позвоню и прочту Бунина.

Позвонил, прочел, как одарил:

Один я был в полночном мире, —
И до рассвета не уснул,
Слышней, торжественней и шире
Шел моря отдаленный гул.

Один я был во всей вселенной,
Я был как бог ее — и мне,
Лишь мне звучал тот довременный
Глас бездны в гулкой тишине.

Общение с Михаилом Дудиным обогащает. Есть у него двестише:

И для весеннего посева
Зерно и песню сохрани.

Дудин, он ведь воистину хранит в себе зерно и песню. Он и переводит, чтобы сберечь слово, как зерно.

Чингиз Айтматов недавно вспоминал, как в Киеве на одном большом литературном вечере английский гость читал свои стихи. Переводчица пробовала рассказать стихи, перевести их подстрочно — ничего не получалось. И когда кто-то прочел эти же стихи в переводе Дудина, огромный зал стал аплодировать автору оригинала. Переводчик-поэт сохранил слово, его душу.

Дудин рассказал однажды, как кто-то из его друзей привез ему из Гранады ветку татарника, сорвав ее там, где был убит Гарсиа Лорка.

— Долго эта ветка стояла у меня в вазе. Теперь рядом стоит еще одна ветка татарника, я ее сорвал у арки Чаренца, там, где в проеме открывается Арарат, свет Арарата. Лорка и Чаренц — два великих поэта... — Дудин задумался и добавил: — Хорошую историю я тебе рассказал?

История эта хороша уже потому, что она характерна для Дудина, говорит о его интересе решительно ко всему, что имеет отношение к поэзии и поэтам.

Михаил Дудин — человек общительный и веселый, известный своим юмором, мгновенными стихотворными остротами. Но есть еще и другой Дудин — глубинный, может быть, даже скорбный. С каким пониманием и сочувствием он написал об Армении:

Еще в ладонях каменного ложа,
Как зеркало, синее твой Севан,
И есть еще для праздника армян
Возможностей шагренева кожа.

Дудин понимает Армению, ее поэзию, потому что он несет в своем сердце Россию, русскую поэзию. Лирика Дудина выстрадана на фронтах Великой Отечественной, в тяжелые послевоенные годы, она рождена не в праздники, но в будни.

А мы с тобой не на параде.
Путь человеческий непрост.

Стихи Михаила Дудина полны большой человеческой тревоги за судьбы людские. Поэт лично ответствен за жизнь, за нашу чудную, трудную землю.

Дудин-человек равен Дудину-поэту. Боль стихов, их глубину оттеняют строки, в которых выразились свет, игра и даже озорство:

Как совершенство неба и земли
Весенние танцуют журавли.
Блистательный балет среди болот.
Гармонии и грации полет.

Дудин — поэт и переводчик — выражает себя в стихах разной тональности, пишет в разных регистрах.

Сейчас он нашел себя (частицу себя) в стихах Амо Сагияна. Он составил из своих переводов небольшую книжку Сагияна и придумал название — «Поздние ягоды». «Я увлекся открывшимся передо мною талантом, чем-то родственным музыке моей души», — писал Дудин.

С переводами познакомился Амо Сагиян. «Прочел (с благодарностью) мои стихи в твоём переводе, — откликнулся он. — И сразу же скажу, что, читая твои переводы, я чувствовал оригинал. Почти всегда. Говорю «почти всегда», чтобы быть до конца искренним, чтобы благодарность к тебе тоже была искренней, настоящей».

Когда-то Борис Пастернак сказал Паоло Яшвили, грузинскому поэту, которого он переводил:

Давайте с первых строк
Обнимемся, Паоло!

Поэзию можно переводить только так — любя. Так появились и эти «Поздние ягоды» Амо Сагияна (автор) и Михаила Дудина (переводчик).

ЛЕВОН МКРТЧЯН

Я снова на земле своей родной
И снова детским наблюдаю взглядом
Свет чистых звезд из вечности.

А В Е Т И К И С А А К Я Н





* * *

Когда я говорю: «Армения», —
Щеки мои начинают гореть,
Ноги мои начинают неметь,

Губы мои расцветают в огне
И возвращается юность ко мне,

Слезы в моих закипают очах,
Легкие крылья растут на плечах,

Мир моим домом становится вновь,
Смерти опять не боится любовь.

Отчего это происходит?

Я не знаю.

Но только так я и здравствую.



* * *

Сны через все потери
Сознанию моему
Распахивают двери
В отеческом доме.

Там мама месит тесто,
Там раскален тондир.
И хлебом поднебесный
Благоухает мир.

Я вновь себе хозяин,
Раб совести своей.
Я ею осязаем
И верен только ей.

И вновь я сыт дарами
Земного бытия.
И за семью горами
Погибель спит моя.

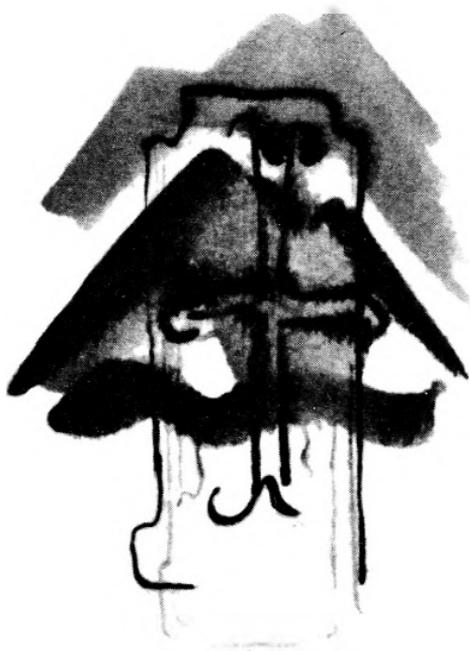
И сны цветные, веря
Сознанию моему,
Распахивают двери
В отеческом доме.



* * *

Горы не видно в туче.
Растаяла гора.
Томят и парит кручи
Полдневная жара.

Вода шуршит в соломе:
«Не торопись теперь.
В твоём отцовском доме
Давно забита дверь».



ПОМОЩНИК

Сестра шиповник спелый рвет.
Я у нее — помощник.
Отец идет на обмолот.
И я за ним — помощник.
Мать — за мукою на порог.
Я вместе с ней — помощник.
Готовит бабушка пирог.
Я у нее — помощник.
Дед сушит яблоки в саду.
Я вместе с ним — помощник.
У всей деревни на виду
Я всем во всем помощник.
В дни похорон и именин
Мне дорог каждый. Я один
Во всех делах помощник.
Но кто ж порадует меня
В пустом доме к исходу дня,
Где у потухшего огня
Лишь только я — помощник?



* * *

Я в детство впасть опять хочу.
В окно к Газбелу постучу.

Ночь приглашу к себе в кровать
Одеждой бога поиграть.

Засну. Во сне найду косу,
Скошу на небе полосу

И в молотилку на кругу
Седое облако впрягу.

И ветром горным, как прутом,
Чуть подгоню его потом.

Затем на Млечный Путь зайду,
Поярче выберу звезду

И принесу ее с луной
В рассветный час к себе домой.



* * *

Там в тишине кричит тропа глухая.
Молчит поток, срываясь с высоты.
Там бабочки цветут благоухая.
Там бабочками кружатся цветы.

Там тени задышались на зное.
Там тополя на холоду дрожат.
Живые — разлетелись. А пустое
Гнездовье — неживые сторожат.



* * *

Изношен день. Он дожил до конца.
Ну что ж! Мир праху твоего творца.

Спросить бы день и получить ответ:
Кто и куда дневной уносит свет?

В каком ущелье столько голосов
День прячет, запирая на засов,

Пока летит над прахом прошлых дней
Со скал в ущелье конница теней?



ПРИРОДА

И вот я встаю на колени,
Тебе поклоняюсь, любя.
Я жажду твоих повелений
И милости жду от тебя.
Избавь же меня от мученья
И радостью жить научи.

Дай вечной красе удивиться,
Открой откровенья круги.
Как мне от тебя отделиться
И слиться с тобой, — помоги.
Заставь меня веровать чуду
И бедствия делать избавь.

Открой мне границы запрета
Грозы неразумных стихий.
Вселенскую музыкой света
Пройди по пространствам глухим.
И все полюса воедино
Судьбой моей жизни скрепи.



* * *

Я снег увидел на вершине —
И мой обрадовался взгляд.
Цветы в лугах ко мне спешили,
И я заплакал невпопад.

Играл ручей на звонком зное.
Над ним, запрятанное в тень,
Увидел я гнездо пустое.
И — потемнел прекрасный день.



* * *

Беспутный ветер волочиться рад
За осень и за ее подолом
Там, где кусты шиповника по долам,
Как янтарем осыпаны, горят.

И если тень от облака кусты
Шиповника пылающего мимо
Не обойдет, беда непоправима:
Она в кольце и — сожжены мосты.

Татарник обнажает острия
Взъерошенной и яростной отваги.
Поосторожней! Кончик каждой пшави
На верной службе у небытия.

Не слушают деревья и кусты
Напутствия утесов патриарших:
«Вы равнодушны к откровенью старших,
А с ветром доверительно просты.

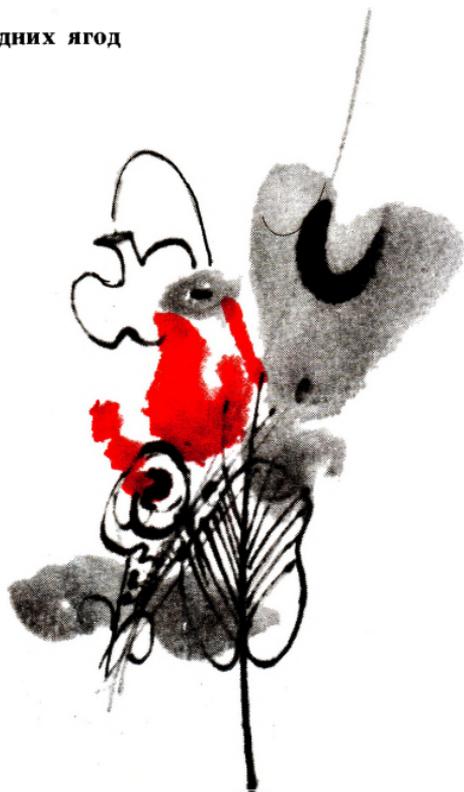
Остерегайтесь! Этот обормот
Завистлив и неблагороден.
Вы — на сносях. Он — отродясь бесплоден
И ваше достоянье оборвет.

Он, словно беспощадный печенег,
Сочтет свое беспутство за обычай
И улетит с прекрасною добычей
За горы на неведомый ночлег».

* * *

Подходит осень к перемене.
На тонкой плоскости воды
В ее холодной белой пене
Горят шиповника плоды.

Горит любовь обид и тягот,
Которую через года
Ко мне в свеченье поздних ягод
Несет осенняя вода.



* * *

Прочтут осеннему туману
Стихи Терьяна тополя.
И песня горлицы поля
Отдаст осеннему туману.
Я погреб открывать не стану,
Той песней душу утоля.
Прочтут осеннему туману
Стихи Терьяна тополя.



ВОЛНА

Огромного неба и солнца полна,
На горы из моря выходит волна.

Утес накрывает до самых бровей
И падает в пропасть на груды камней.

Кричит, и грохочет, и просит помочь,
Стихает и медленно катится прочь,

Дробится, танцует, смеясь надо мной,
Потом поднимается с новой волной.

Опять пропадает у гребней в кругу.
И я за волной уследить не могу.

Волна затихает у моря в плену,
И старое море глотает волну,

Как радости юной глубокий глоток.
А новые волны грохочут у ног.



* * *

От глухого взрыва тучи
В полудреме, в полусне
Сам себе на всякий случай
Улыбнулся белый снег.

И, почувствовав тревогу,
Просыпаясь навсегда,
Заструилась понемногу
И — с ума сошла вода.

Как стремительное время,
Хлынул яростный поток.
Взорвалось в глубинах семя,
И проклюнулся росток.

От глухого взрыва тучи
Чуть качнулись деревья,
И от радости летучей
Закружилась голова.

И со сказки, и с поверья
Взрывом сорвана печать.
Все исполнено доверья —
Время петь, а не молчать.

Ради этой жизни, ради
Трепета ее кругом
Я пишу в свои тетради
То, что мне диктует гром.

* * *

Ручей улыбался.
Ручей был ничей.
Ручей без названья,
Без русла ручей.
Седой, но не старый.
Ручей без угла.
Глаза у ручья
Не туманила мгла.
Ручей без терпенья.
Ручей без оков.
Он нес отраженья
Седых облаков.
Никем не обижен,
Ничем не храним.
И птицы, как тени,
Скользили над ним.
Река повстречалась
Ручью на пути.
Ручью захотелось
Реку перейти.
Ручей улыбался.
Ручей был ничей.
...Река унесла безмянный ручей.



* * *

Наверно, этот лес, и скалы,
И мха зеленого клоки,
И камня дикого завалы,
И русло высохшей реки,
И клен над липою в печали —
Для нас имели б интерес...
Но может, мы другими стали
Или в другой попали лес.



* * *

На облаке угас последний луч,
И облако обрушилось в долину.
Сближаются вершины темных круч,
И сонный ветер падает на спину.

Все затихает медленно кругом
У материнской вечности в охвате.
И только эхо превращает в гром
Журчание воды на перекате.

Земные тени вместе поднялись
На гребни гор, как дочери печали.
А небеса, спустившиеся вниз,
Восторгом счастья Землю увенчали.



* * *

С кустов шиповника плоды
Стекают каплями воды
Ручью на спину.
Ручей с карниза на карниз
Уносит красный трепет вниз
С горы в долину.

Его струя, свежа, добра,
Блестит отливом серебра
И стали стылой.
Ручей из камня был рожден
И сам собой освобожден
Своею силой.

Ручей бежит. Ручей поет.
Ручей пускается в полет
И камни сносит.
Летит с карниза на карниз.
Мою любовь уносит
вниз.
Уносит осень.



* * *

Что хочет этот ветер-вор,
Взбесившийся, как пес?
Куда он осени ковер,
Перемахнув через забор,
При свете дня унес?

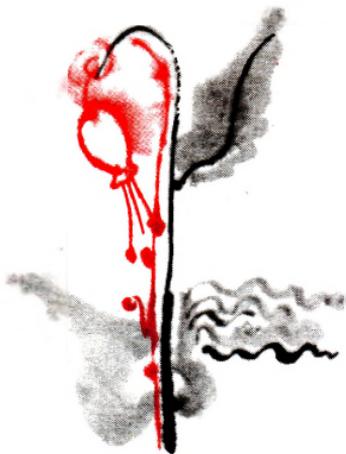
В моем саду в середине дня
Он рвёт последний лист.
Чего он хочет от меня,
Задира и артист?

Он основательно подряд
Продул весь мир до звезд,
Последний осени наряд
Себе надев на хвост.

Чего он хочет от меня,
Что надобно ему?
Уже ни дыма, ни огня
Нет у меня в дому.

И ласточка моя давно,
Ни свет и ни заря,
Оставив перышко одно,
Умчалась за моря.

Пусть этот ветер-обормот,
Бессовестный и злой,
Теперь себе его берет
И — с глаз моих долой!



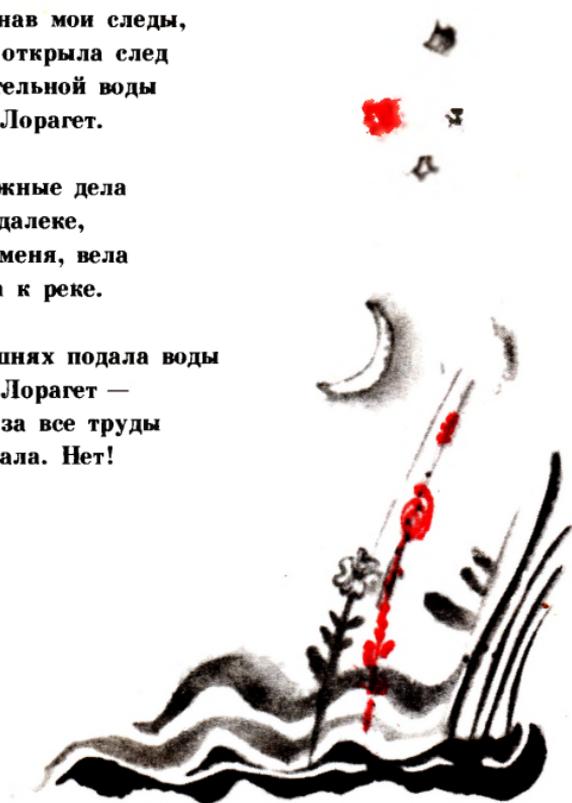
* * *

Тропинка в поисках воды
Свой проложила след
Сквозь горы горя и беды
До речки Лорагет.

Потом, узнав мои следы,
Мне свой открыла след
До удивительной воды
На речке Лорагет.

И, неотложные дела
Оставив вдалеке,
Она вела меня, вела
И привела к реке.

В пригоршнях подала воды
Из речки Лорагет —
И ничего за все труды
Не требовала. Нет!



* * *

Лучи лишились чувства. В чаще
Свежо. Себя разгоряча,
Тень муравья куда-то тащит
Хвост, отлетевший от луча.

В тени деревьев без опоры
Скользят последние лучи.
Гора в горах рождает горы,
И горы движутся в ночи.



* * *

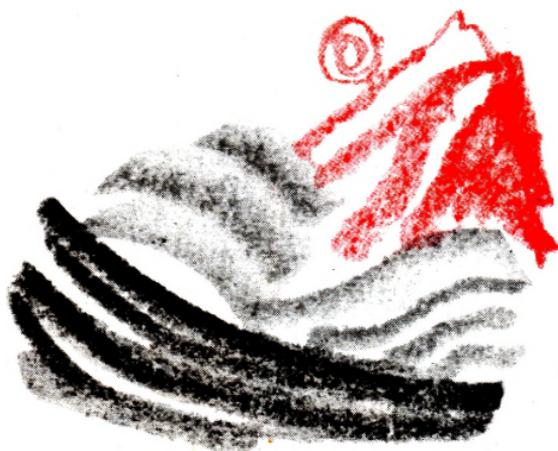
Пусть в небе царствует орел,
Обозревая с неба землю, —
Я песне жаворонка внимлю,
Пусть в небе царствует орел.
Орлу положен ореол
И это гордое паренье.
Пусть в небе царствует орел
И льется жаворонка пенье.



* * *

Глаза пещер с глазницами без век
Глядят изустной вечности глазами.
И волны мутных и прозрачных рек
Текут изустной вечности словами.

Ущелий бесконечных череда
Лежит изустной вечности картиной.
Великих войн великая беда
Есть грех все той же вечности единой.



* * *

Свежеет. К закату склоняется день.
И дуб одинокий с крутого утеса
Вполглаза в ущелье тревожно и косо
Глядит на свою непомерную тень.

Он видит на собственном теле пятно
Дупла, а потом, цепenea от страха,
Всей тяжестью падает гулко, с размаха
С высокой вершины ущелью на дно.

Он рухнул — и собственной тени подол
Накрыл его прошлое саваном черным.
И ветер, стекая по склонам нагорным,
Последние тени, как листья, подмел.

И лес прогудел от вершин до корней,
И гордые горы вздохнули устало,
И вздрогнуло черное небо теней
И в темное море раздумий упало.



* * *

Ущелье придет из тумана печаль
По всем журавлям, улетающим вдаль.

Цветок безмянный укутался в тень,
И в черную ночь превращается день.

Холодного облака белая мгла
На темя высокой вершины легла.

И солнце, как чаша с багровым вином,
В подвале заката стоит кверху дном.

По сочетанию этих примет,
Наверно, уходит великий поэт.



* * *

Вершины гор еще покорны сну,
И снег в горах еще не пахнет прелью.
Не ласточки приносят к нам весну —
Весна приносит ласточек к ущелью.

В горах грохочут реки. Синь ясна.
Трава лучами потянулась к зною.
Не с ласточками к нам спешит весна,
А ласточки торопятся с весною.

Ныряют ласточки в голубизну,
Под радугой мелькают навесною.
Не ласточки приводят к нам весну,
А следом прилетают за весною.



* * *

Пещеры...

Пещеры готовы в любую минуту
Дать раненой птице приют
И покой исцеленья.

Пещеры...

Пещеры, от холода трескаясь, плачут
И тихо на стон отвечают
Сочувствия стоном.

Пещеры

На боль облаков отзываются вздохом.
И жалобы ветра,
И шелест осеннего леса,
И крик одинокой косули
Глубокие слышат пещеры.
И зависть к пещерам
Мне душу волнует порою.



* * *

Новорожденный солнца свет, летящий в глубь ущелья,
И умирающая тьма, бегущая по лугу,
Встречаясь, слышат детский смех беспечного веселья.
Узнать бы: что они о нас передают друг другу?

Свет умирающего дня, скользящий вверх по склону,
И страх новорожденной тьмы, бегущей по отрогу,
Встречаясь, слышат тишину и вздох, подобный стону.
Что говорят они о нас, известно только богу.

* * *

Я должен верить мудрости зерна:
Его погибель кормит мир живущий.
Наград не получая с жизни сущей,
Я должен верить мудрости зерна.
Моя душа его судьбе верна,
Судьбой благословляема грядущей.
Я должен верить мудрости зерна:
Его погибель кормит мир живущий.



* * *

Там облака как купола,
Там скалы как колокола.

Там эхо чистых родников
Звучит как музыка веков.

Там лица каменные гор
На голубой глядят простор.

Там от дыхания богов
Стекают слезы со снегов.

Когда моя земная мысль
Летит в заоблачную высь,

В душе моей сияет свет
И в мире ненависти нет.



* * *

Луна.

Не спится.

Встану и пойду

Рассею надоевшие заботы.

И тень моя у мира на виду

Земных дорог обнимет повороты

И на Луне уснувшие поля.

И, жажду откровенья утоля,

Я новой песней затоскую смертно

И, в песне восславляя бытие,

На крепостной стене Воротнаберда

Орлиным когтем напишу ее.



* * *

Ах, молодость! Ты, как река Араз,
Нахлынула и заблудилась где-то.
Ушла, как сон, из удивленных глаз
В еще туманной тишине рассвета.
А что потом? Живой поток усох,
Захваченный заманчивою целью.
И сам я измельчился, как песок
Столетий, по безводному ущелью.

* * *

Ты камни клал в фундамент мира
И с горьким роком в битвах креп.
Ты выпек в пропасти тондира
Своей судьбы упрямый хлеб.

Ты своему младенцу камень
Крошил в похлебку по утрам.
И он тяжелыми руками
Сложил из камня гордый храм.

Твоей судьбы века и миги
На праздник мира и на суд
Искусства каменные книги
Столетиям будущим несут.

СЕРДЦЕ

Ты мерзнешь, слабое, как прежде,
От взгляда, брошенного вспять,
И, малой верное надежде,
Воспламеняешься опять.

И, ошарашенное ложью,
В смертельной маешься тоске.
И страх тебя пронзает дрожью
От гибели на волоске.

Будь ты железным, золотою
Была б дорога к небесам.
Но как бы мы тогда с тобою
Земным дивились чудесам?



* * *

Тоскуют по моим ногам
Отцовские тропинки
И по моим рукам — цветы
На материнском поле.

Тоскуют по моим ушам
Птиц голоса в ущелье.
По песням юности моей
Тоскуют птицы в небе.

Я утолю тоску твою,
Тоскующее сердце.

Я осторожно соберу
Их слезы и улыбки
И приложу к твоим давно
Кровоточащим ранам.

И ты, почувствовав свое
Выздоровленье, сразу
Пошлешь воздушный поцелуй
Вершинам и ущельям.

Ты повернешься. Поспешись
К тем неоглядным далям,
Где стосковались по тебе,
Как ты по ним тоскуешь.



* * *

Я перепутал день и ночь,
Закат с рассветом.
И мне уже никто помочь
Не в силах в этом.

Я узнавал твои следы
Везде и сразу,
Не доверял своей беде
Чужому глазу.

Я сам терялся и терял
Везде и всюду
И сон и явь — материал,
Пригодный чуду.

Я лечь дорожным камнем мог
Тебе под ноги,
Чтобы подняться, словно бог
Своей тревоги.

А ты — как храм. Ты — как кинжал
В любви и страхе.
...Я впереди себя бежал
Ягненком к плахе.



* * *

Ты да Я

да вечер поздний.

Берег моря.

Я и Ты.

Может, чувств лишились звезды

От боязни высоты?

И упали звезды в море.

Звезды в море не поймать.

Горе это

иль не горе,

Нам с тобою не понять.

Может, с нами шутят звезды?

Может, да,

а может, нет.

Может, в этот вечер поздний

Нам опасен

звездный свет.



КАК ТУЧА

Я, как туча, стоял, опираясь плечом
На вершину заоблачной кручи.
Я чернел, и бледнел, и клубился ключом —
Повторял трансформации тучи.

Я гремел, разрывая о камни бока,
Распадался на клочья, бесцельно
Сыпал молнии, вновь собирался, — пока
Не устал, словно туча, смертельно.

* * *

Уйти бы мне, уйти бы мне,
Спалить бы память на огне,
Избавиться от фальши.
Уйти бы в море, как река,
И раствориться на века
От глаз твоих подальше.

И там, в глубинах горьких вод,
Забить всю жизнь свою, свой род,
И встречи, и разлуки.
...Но в некий час, почувяв страсть,
Суметь себя тебе украсть
И выдать на поруки.



* * *

Со дня рожденья моего
И до рожденья моего
Сколько пришло и ушло человеческих судеб —
Никто не знает.
Если мне взять и сложить
Все эти судьбы вместе,
Получится пять тысяч вечностей.
Это и есть моя жизнь.
А я еще ворчу,
Что мало прожил и ничего не видел.



* * *

Левону Мкртчяну

Мне часто кажется, что я
Жизнь проиграл свою. Все дни
Свои пустил на ветер, а любовь
Отдал быстротекущему потоку.

Я точно знаю: горсть моя пуста,
Но сердце не скудеет, слава богу.
И все-таки мне кажется, что я
Жизнь проиграл свою.

Когда

Я дрался — дрался от души,
А если что-нибудь дарил —
Дарил от сердца.

И все-таки мне кажется, что я
Жизнь проиграл свою. Все дни
Свои пустил на ветер, а любовь
Отдал быстротекущему потоку.



* * *

Я не боюсь того, что меня не будет.
Я не боюсь своей смерти.
Но у меня дрожат колени:
Я боюсь смерти всего бессмертного мира
Нашей населенной гениями планеты,
К сожалению, такой жалкой и бессильной.

* * *

На встрече судеб откровенью страстей
В железе и скорости тесно.
Базаром шумит наступающий день
И старая память в обгон новостей
Уводит мою одинокую тень.
Куда? Сатане неизвестно.



* * *

Вселенная не знает языка.
Сменяются народы и века,

У каменного эпоса времен
Не разгадаешь прошлого имен.

Не прочитаешь тайну до поры
Надгробия заоблачной горы.

Но в легендарном прошлом и теперь
Вселенная не ведает потерь.

И тайный эпос музыки времен,
Звучащий в нас, не будет заменен.



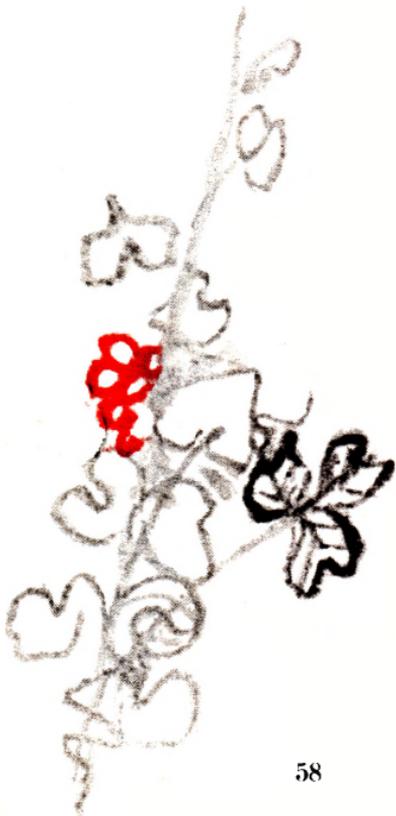
* * *

Миры из мира исчезают в мире,
Но мир живет и делается шире.
Чтоб избежать грядущего крушенья,
Из пепла поднимается опять,
Преобразив восторги разрушенья
В сладчайшее мученье созидать.

Чтоб жизнь твою обиды и потери
Не разъедали, силы не жалеи:
Всей горечью в грядущее поверив,
Мученьем созиданья заболей.

* * *

В мой век космических полетов
Я — словно всадник без коня.
Один блуждаю в безднах дня
В мой век космических полетов.
Куда, по выкладке расчетов,
Он должен вывести меня?
В мой век космических полетов
Я — словно всадник без коня.



* * *

Хотел бы я к Салвард-горе сходить,
Полюбоваться на ее вершину,
И перед нею голову склонить,
И позабыть усталости причину.

И все свои безгрешные грехи
Оплакать там, и отряхнуть тревоги,
У родника в тени густой ольхи
Омыть свои натруженные ноги.

И вновь душой для радости прозреть,
И птиц надежды выпустить из мрака,
И хоть немного сердце отогреть
На пламени пылающего мака.



* * *

Утесы и скалы стоят на постах
У Вечности словно вопросы.
Я — трепет и дрожь на холодных устах,
На ваших уступах, утесы.

Стоите вы в позах седых королей,
Века не меняетесь в лицах.
Я — капля росы на изгибах бровей,
На ваших гранитных глазницах.

Содружество ваших испытанных плеч
Века без усилия тащит.
И вам, негнибачимым, Время беречь.
Вы — вечны, а я — уходящий.

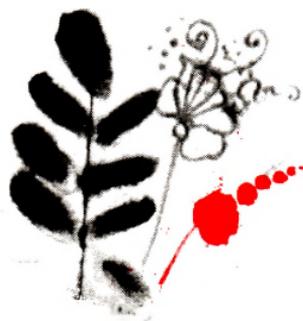
Но если у вас в непомерной дали
Возникнет тоска к непокою,
Зовите! Я встану из грешной земли
Под вашей гранитной пятою.



СОДЕРЖАНИЕ

<i>Поэзия одаряет нас жизнью. Л. Мкртчян.</i>	5
«Когда я говорю: «Армения»...»	17
«Сны через все потери...»	18
«Горы не видно в туче...»	19
Помощник	20
«Я в детство впасть опять хочу...»	21
«Там в тишине кричит тропа глухая...»	22
«Изношен день. Он дожил до конца...»	23
Природа	24
«Я снег увидел на вершине...»	25
«Беспутный ветер волочиться рад...»	26
«Подходит осень к перемене...»	27
«Прочтут осеннему туману...»	28
Волна	29
«От глухого взрыва тучи...»	30
«Ручей улыбался...»	31
«Наверно, этот лес, и скалы...»	32
«На облаке угас последний луч...»	33
«С кустов шиповника плоды...»	34
«Что хочет этот ветер-вор...»	35
«Тропинка в поисках воды...»	36
«Лучи лишились чувства. В чаще...»	37
«Пусть в небе царствует орел...»	38
«Глаза пещер с глазницами без век...»	39
«Свежеет. К закату склоняется день...»	40
«Ущелье ирядет из тумана печаль...»	41
«— Что предпочтешь ты, если знаешь точно...»	42
«Моя душа в тяжелом сне...»	—

«Вершины гор еще покорны сну...»	43
«Пещеры...»	44
«Новорожденный солнца свет, летящий в глубь ущелья...» .	45
«Я должен верить мудрости зерна...»	—
«Там облака как купола...»	46
«Луна. Не спится. Встану и пойду...»	47
«Ах, молодость! Ты, как река Араз...»	48
«Ты камни клал в фундамент мира...»	—
Сердце	49
«Тоскуют по моим ногам отцовские тропинки...»	50
«Я перепутал день и ночь...»	51
«Ты да Я да вечер поздний...»	52
Как туча	53
«Уйти бы мне, уйти бы мне...»	—
«Со дня рожденья моего...»	54
«Мне часто кажется, что я...»	55
«Я не боюсь того, что меня не будет...»	56
«На встрече судеб откровенью страстей...»	—
«Вселенная не знает языка...»	57
«Миры из мира исчезают в мире...»	58
«В мой век космических полетов...»	—
«Хотел бы я к Салвард-горе сходить...»	59
«Утесы и скалы стоят на постах...»	60



ДЛЯ СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Сагиян Амо Саакович

ПОЗДНИЕ ЯГОДЫ

Ответственный редактор *И. И. Трофимкин.*

Художественный редактор *А. В. Карпов.*

Технический редактор *Т. Д. Рагкевич.*

Корректоры *В. Г. Арутюнян* и *Е. С. Петрова.*

ИБ 7025

Сдано в набор 07.02.83. Подписано к печати 10.06.83. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Шрифт обыкновенный новый. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,6. Уч.-изд. л. 2,1. Усл. кр.-отт. 5,85. Тираж 100 000 экз. М-37358. Заказ № 434. Цена 10 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Сагиян А. С.

С 12 Поздние ягоды: Стихи/Доп. переизд.;
Вступ. ст. Л. Мкртчяна; Пер. с арм. М. Дудина;
Рис. Ф. Васильевой.—Л.: Дет. лит.,
1983.—63 с., ил.

10 коп.

Стихи известного армянского поэта в переводах Герои Социалистического Труда Михаила Дудина.

4803010102—164
С—————371—83
М101(03)—83

Р 2



10 κοπ.

